

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ

г. Москва

4 3 MAR 1980

Мудрая сила поэзии

Мне хочется начать разговор об Егоре Исаеве и его поэзии с поэмы «Суд памяти», написанной им около двух десятилетий назад, ибо говорить об этой поэме я могу с полной определенностью и ответственностью за свои слова. Ведь я беру в соавторы великого критика — Время. Да, временная дистанция учит читательской зоркости, помогает разглядеть истинную масштабность художественного произведения.

И тут сразу же становится очевидной мудрая, волнующая сила этой поэмы — удивительно сегодняшней, удивительно актуальной, будго написанной специально по социальному заказу начавшегося 1980 года, когда с особой остротой встал глобальный вопрос жизни нашей планеты, вопрос о мире, о разоружении.

В центре поэмы «Суд памяти» — заброшенное, «безработное» стрельбище — кладбище негнущегося свинца, где когда-то учились убивать и сам герой поэмы Герман Хорст, и его отец, который в далекие годы «стрелял в каких-то русских и сам каким-то русским был убит».

Это стрельбище — как бы прообраз всех агрессий, прообраз всех милитаристских кровавых устремлений. Здесь мертво и «безголово» покоятся в земле пули «любых калибров и систем от Фридриха до Бисмарка и далее до днел последних Гитлера».

Читаешь эту поэму и невольно думаешь о тех черных силах, которые хотят сегодня превратить нашу планету в стрельбище, причем в стрельбище, где огонь ведется не по фанерным, а по живым мишеням. Думаешь о том, сколько миллионов людей сегодня, как в тридцатые годы Герман Хорст, на военных заводах Запада стоят у конвейера смерти, безропотно едят свой гнильбый хлеб, хлеб безудержной гонки вооружения.

Поэма «Суд памяти» звучит в

наши дни предостерегающим набатом. И в этом ее благородная человеколюбивая актуальность.

Не может не волновать сегодня и та глава поэмы, где немецкий солдат Ганс, бывший рабочий, уволенный с военного завода за опасные чудачества, понимавший, что свинец, который он, Ганс, должен производить, пахнет кровью и дымком и что «патронный цех», как похоронный цех», солдат Ганс все же стал участником злодеяний гитлеровцев на нашей земле, где целые живые деревни были расстреляны, сожжены дотла, вогнаны в землю. Он почувствовал тревожные приступы совести лишь под дулом русского автомата, не убившего его, а пощадившего, даровавшего жизнь...

Я читал эту поэму и думал о том, что никогда, ни в каких исторических условиях наша армия не может быть захватчицкой армией. И уж если она не была армией-завоевательницей в 1945 году на немецкой земле, может ли она быть таковой, скажем, на земле братского Афганистана сегодня! И сразу бьет в глаза чудовищная подлая фальшь идеологов «холодной войны» в наши дни.

Многому учит поэзия Егора Исаева. Она учит читателя глубже понимать историю нашей страны — тысячелетний разум своего народа. Она учит поэтов, особенно молодых, мыслить крупно, масштабно, мыслить образами.

И здесь следует сказать, что мыслить образами — это отнюдь не значит в каждой строфе обязательно что-то с чем-то сравнивать. Поэзия Исаева учит мыслить образами не по мелочам, а по главному. У Егора Исаева образ — ядро произведения, сам замысел его и его сюжет. Как из жемчуга дуб, из центрального образа вырастает все могучее дерево поэмы.

Егор Исаев обладает необходимым именно для поэта свойством

через образ выразить характер своего героя, не в обход образа, а через образ, с помощью образа. О соседе Германа Хорста в поэме «Суд памяти» сказано немного, но он перед нами, как живой. Инвалид, искалеченный на войне:

Вполтела жив,
Вполтела там —
На фронте, у Валдая.

Прекрасная поэма Егора Исаева «Даль памяти», не случайно поставленная в книге рядом с поэмой «Суд памяти», при всей реальности повествования по-народному сказочно, былинна, как былинна и сказочно любая истинная поэзия, о каких бы самых обычных, каждодневных, окружающих нас в жизни вещах она ни говорила. Ведь образное видение мира — это всегда сказочное видение мира. Очень показательна в этом отношении удивительная по силе авторской фантазии глава, вернее поэма в поэме, ядро повествования — «Кремень-слеза».

Она родственна и некрасовской поэме «Кому на Руси жить хорошо», и поэме Твардовского «Страна Муравия». Истинная народность всегда предполагает былинность. Я имею в виду не только языковые краски, песенный лад повествования, но и сам замысел.

В поэме «Даль памяти» Егор Исаев возвращается из сегодняшнего дня в далекое предвоенное время, возвращается в детство своего героя, краски и запахи этого детства волнующе свежи и доныне. Автор поэмы обладает замечательной эмоциональной памятью, помогающей ему так сочно и красочно живописать картины деревенского народного быта, сельского труда.

В поэму врывается первый день войны:

— В ружье!
— В ружье!
И молния тревоги

Безмерной протяженностью
своей

Ударила,
Ветвась по всей огромной
Стране твоей —
В длину и в ширину —
И каждого касаясь поименно
И купно всех,
Ушла и в глубину
Истории —
Туда,
К мечу Донского
И Невского — в седые
времена —

И восходя от поля Куликова,
От волн чудских
К холмам Бородина
И далее —
оттуда,
из былого —

Сюда,
Сюда,
В рассветные поля...
— В ружье!
— В ружье!..
Прямой дымился провод,
Как шнур бикфордов,
У виска Кремля.

Дальнейшего описания военных событий в поэме нет. Но от того, что поэмы «Даль памяти» и «Суд памяти» как бы стоят не рядом, а друг против друга, — смертельная схватка Германа Хорста и героев поэмы «Даль памяти» видится нами с полной очевидностью. И в книге, состоящей из двух поэм, незримо присутствует третья поэма.

Достоинство глубокого, признательного уважения многолетняя талантливая целеустремленность поэта, не отвлекавшегося все эти годы от своего главного замысла. Весь Егор Исаев — это две его поэмы. Он сказался в них как яркая, самобытная, неповторимая творческая личность, которой присуще органическое острое ощущение России с ее многовековой историей, ощущение национального характера, национального пейзажа и ощущение всего человечества с его сегодняшними тревогами и болями, которые стали личными болями и личными тревогами поэта.

Эти две поэмы, которые по праву заслужили признание литературной общечеловечности и всеобщего читателя, справедливо выдвинуты на соискание Ленинской премии.

Николай ДОРИЗО.